

«Искать надо не новое, а вечное»

Фото Валентина Барановского

**НАРОДНЫЙ АРТИСТ РОССИИ
Сергей Павлович РОЛДУГИН —
ОСНОВАТЕЛЬ И БЕССМЕННЫЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ ПЕТЕРБУРГСКОГО
ДОМА МУЗЫКИ — ЛЮБЕЗНО
СОГЛАСИЛСЯ ОТВЕТИТЬ
НА ВОПРОСЫ «ВП»**

На протяжении нескольких лет Дом музыки открывает и воспитывает молодые таланты, предоставляет им возможность играть в России и за рубежом, соло и с оркестром.

— Как возникла идея создать Дом музыки?

— На протяжении трех лет я был сначала и. о., а потом ректором петербургской Консерватории, председателем музыкального учебно-методического совета России. В какой-то момент я понял, что весь этот груз административной ответственности, который должен тащить на себе ректор, я осилить не могу. Хотя у меня была замечательная команда, которую я перетащил сюда. Мы работаем здесь в той программе, которую считаем полезной и свободной от ненужного. Ведь для того чтобы хорошо играть на скрипке, надо заниматься. Досуние критики могут сказать, что еще обязательно знать эстетику, желательны и марксистско-ленинскую тоже, Канта читать в подлиннике — это все хорошо. Но если я буду читать Канта в подлиннике и не буду играть на скрипке, будучи скрипачом, то у меня ничего не получится. Я отказался организовывать частную консерваторию и остановился на идее создать некую структуру, которая позволяла бы реализовывать проекты по воспитанию молодых музыкантов в России. Так возник Дом музыки.

Упор делается непосредственно на занятии специальностью под присмотром лучших педагогов мира. И российские, и бывшие российские педагоги, проживающие ныне за границей, участвуют в этом процессе — приезжают преподавать отобранным нами по всей России молодым музыкантам. Отбираются они следующим образом: могут прислать свои DVD, могут приехать к нам на очное прослушивание, могут заявить о себе по Интернету из любого уголка нашей страны.

Мы отбираем из них самых лучших,

самых интересных, перспективных. И как правило, не ошибаемся. Эти ребята, которых мы здесь селим, поим, кормим, занимаемся с лучшими педагогами — такими, скажем, как Дмитрий Башкиров или Давид Герингас, — и готовятся к конкретным конкурсам.

Обязательно по прошествии этих мастер-классов лучшие ученики получают публичный концерт, где могут проверить, насколько они впитали и восприняли советы профессоров.

Еще у нас есть проект «Река талантов», и там совсем другой принцип отбора. Мы полагаемся на мнение учебных заведений, в которые мы обратились с тем, чтобы они присылали нам талантливых ребят любой инструментальной специаль-

ности. Мы с ними занимаемся три-четыре дня, и потом лучшие из них едут по Волге, останавливаясь в городах, где есть симфонические оркестры, — это Ярославль, Ульяновск, Нижний Новгород, Казань, Астрахань...

И там уже эти молодые ребята оцениваются непосредственно публикой.

— А что вы думаете о музыкальной жизни нашего города?

— У нас не все так замечательно, как кажется, несмотря на громкие проекты вроде «Опера всем», «Осенние цветы» и тому подобное. Я не вижу системной правильной работы — такой, чтобы поощряли лучших и воспитывали еще неизвестных. Но мы стараемся поправить эту ситуацию. У нас очень плотное сотрудничество с Валерием Гергиевым, с Капеллой, где нам помогают директор Ольга Хомова и художник Александр Чернушенко. Сейчас мы подписываем договор и с Филармонией.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших личных музыкальных вкусах и пристрастиях.

— Недавно ушедший от нас замечательный российский и литовский артист Донатас Банионис сказал такую фразу: «Молодежь сейчас пытается найти что-то новое, а я бы посоветовал им искать что-то вечное». Когда говорят, что все сочетания звуков уже испробованы, я отвечаю словами замечательного музыканта и моего друга Алексея Орловецкого. Он сравнивает музыку с речью и говорит: посмотрите, мы давно уже перепробовали комбинации всех слов и выражений, но всякий раз возникает какой-то смысл, который находится по ту сторону речи.

Что же касается моей любимой музыки — это некоторые фрагменты из «Ромео и Джульетты» Прокофьева, потрясающие гармонии Равеля, медленные части фортепианных концертов Моцарта, слушая которые можно просто умереть... Или тема медленной части одного скрипичного концерта Моцарта, где вроде бы ничего и не сказано, но, когда я жду ее, я испытываю, как в детстве, чувство счастья. А Секстет Шуберта! Когда я слушаю или иг-

раю мою любимую музыку, я восхищаюсь миром, мирозданием.

— Я знаю, что вы много работаете в Европе. Скажите, Дом музыки попал под европейские санкции?

— Да, проблемы с санкциями у нас существуют. Мы сотрудничаем с многими музыкальными организациями в Европе. Я только что вернулся из австрийского города Линца, где находится Брукнерхаус — один из самых выдающихся концертных залов мира, там выступали Караян, Мравинский и еще многие великие... Теперь там проходят «Русские вторники» (это проект Дома музыки) — и все билеты обычно проданы. Сейчас там играли наши выдающиеся молодые солисты — скрипач Павел Милоков и пианист Сергей Редькин. Сказать, что зал приветствовал их стоя, — это ничего не сказать. Даже таксисты в Линце знали, что будут сегодня возить народ в Брукнерхаус, где играют какие-то русские. Когда вам говорят после концерта, что вы гений, верить надо процента на четыре, а вот если вас какой-нибудь невзрачный с виду человек спрашивает, когда ваш следующий концерт, — это безусловный успех, высшая оценка и признание. Так вот у нас следующий сезон уже весь расписан. Есть проект в Стокгольме, где не самая простая политическая атмосфера, он называется «Русские четверги». Возвращаясь к вопросу о санкциях, хочу сказать, что совсем недавно встречался в Австрии с бизнесменами, которые все клялись мне в любви к России, ругали на чем свет свое правительство. Немцы сами говорят, что Германия и Европа в целом — это колония США, и я им не возражаю. В результате санкций мы разворачиваемся на Восток — в Китай, Японию, Корею, где нас встречают с распростертыми объятиями. Все наши спонсоры под санкциями — Банк «Россия», который так много сделал, давал стипендии; «Газпром», который дарил рояли; другие благотворители нам предоставили скрипку Гварнери. Их единственная вина в том, что они хорошо относятся к президенту Путину, который поддержал идею создания Дома музыки, помог с реставрацией. Шведы просят вывести наш проект, а мы отвечаем — скажите своему правительству, чтобы они снимали с нас санкции.

— И последний вопрос: знаете ли вы, каковы музыкальные вкусы президента России?

— Владимир Владимирович очень любит классическую музыку. И не только слушать. Он говорит: «Если бы я мог, я бы научился хорошо играть на фортепиано». Сейчас он учит наизусть Первую прелюдию из «Хорошо темперированного клавира» Баха. У него потрясающая коллекция хороших записей классической музыки. У него дочери играют на скрипке, и играют очень прилично. Я как-то пригласил его на свой концерт, где играл в первом отделении. И Владимир Владимирович отказался уходить в антракте, потому что хотел послушать во втором отделении очень сложную партитуру — «Жизнь героя» Рихарда Штрауса.

Дворец великого князя Алексея Александровича, ныне Дом музыки.